

Неизвестное произведение Н.М. Карамзина «Военная песнь». Октябрь 1812 г.

Одним из самых первых подлинно патриотических откликов на «грозу 12-го года» стали так называемые военные песни. Их писали поэты В.А. Жуковский («Певец во стане русских воинов»), Ф. Н. Глинка («Теперь ли нам дремать в покое, России верные сыны») и многие др. Поэт и историк той поры, знаменитый Н.М. Карамзин был известен до сих пор своей верноподданнической пацифистской одой «Освобождение Европы и слава Александру I» (1814 г.). В семейном архиве автора был обнаружен неизвестный ранее, написанный рукой Н.М. Карамзина на посеребренном от времени листе бумаги автограф на немецком языке — стих «Военная песнь». Автограф был, очевидно, выхвачен кем-то из огня, края его обгорели. Весь текст «песни», к сожалению, не сохранился, утраченные слова автографа мы попытались восстановить (подстрочный перевод Л.С. Товалевой).

ВОЕННАЯ ПЕСНЬ

Славы, Закона, Отчизны [призыв]¹
 Раздается!.. Сыны русской земли!
 Час пробил: это наш час!..
 Боритесь против врагов Отечества; будучи сынами
 Борея, победим мы мужественной рукой [властолюбивого]
 Тирана и, свергнув, подарим миру [свободу].
 Властители, народы стонут: их троны, их [оплоты]
 Пали; Европа — юдоль печали
 Страшный суд небес свершился? Нет, [соотечественники],
 У нас есть священное знамя, в руке сталь [и пламень]
 И исход судьбой не предрешен! Прочь [страх]!
 Отважный Галл! Твоя победа еще не достигнута: [против] —
 Россы, непокоренные тобой.
 Готовы мы на бой кровавый: [Марс, гляди]
 И твое счастье с нами: [без страха] грудь,
 За ратью рать; вперед (сюда)! Кто герой, [тот]
 Пощады не ждет: мы накажем тебя, [супостат]
 На поле битвы. Что за [боязнь и сомненья?]
 Позор! Кто сдается в плен? [Рука тверда],
 Острый меч, сталь щита [неколебимы]
 Пока мы живы!
 [Он] грозит нам! Но Римлян [искусство]
 [Войны] собираешься предписывать Северу закон?
 Полночный край — отец (мать) героев: Рим —
 [Властная] рука, непреходящий колосс. На юге ищи
 [Покорных]: а сын Севера, в суровой стране [рожденный],
 [Шагает] со свободой рука об руку, и возлюбленный
 [Государь] его властитель.
 [Соотечественники]!.. Друзья, вперед! Побейте [супостата].
 Сверкают светлые мечи, и древний
 [Клич] пусть зазвучит! Седовласые герои, украшенные
 [Шрамами]! Ведите юношей к храму
 [Победы]. Достойный служитель храма! Сей священные
 [Призывы]! Молись! И победитель будет россиянин!
 [Слава] наших предков! Небес (избранники)
 [Святые]: мы достойны вашей славы. [Славными]
 [Деяниями] служить потомству — наш сердечный обет;
 [Да, накажет провидение] предательство [вероломство] и сохранит
 [Милость верности]: да будет мир свидетелем этому! За
 [Супостата] — ад; за нас — бог и (правое) дело!

Подпись: *И. Карамзин*

«Военная песнь» — несколько неожиданное произведение. В начале наполеоновского вторжения в русском обществе не очень-то верили в возможность продвижения неприятеля в глубь страны: казалось, что все будет где-то в отдалении, как в предыдущих кампаниях, проходивших вне России. Это создавало подчас несколько несерьезное отношение к войне: например, брат супруги Карамзина П.А. Вяземский пытался организовать так называемый женский кавалерийский отряд из барышень.

Карамзин в этот период работал над своей «Историей Государства Российского» и жил в подмосковном Остафьеве, имении Вяземских. Он был очевидцем событий и чутким свидетелем происходивших на его глазах изменений в настроениях русского общества. Сам же Николай Михайлович обладал особой, как сказали бы сейчас, сверхвысокой провидческой чувствительностью, позволившей ему выработать завоевавший русскую публику *сентиментальный жанр* в литературе, а в истории — способность *концентрировать внимание* на важнейших событиях. И наконец, он обладал несомненным *провидческим даром понимать исторический ход современных ему событий*, существенно опережая в этом большую часть русского общества. К началу сентября, когда враг стоял у ворот Москвы, Карамзин уже переехал в столицу и остановился на Лубянке, в доме генерал-губернатора Федора Ростопчина, с которым состоял в приятельских отношениях еще со времен совместной оппозиции реформам Сперанского и написания своей «Записки о старой и новой России». Историк в этот московский период был свидетелем некоторых нелепых действий Ростопчина, возомнившего себя «спасителем отечества», прокламации-афишки которого, составленные в псевдонародном стиле, рождали в дворянском обществе недоумение. Карамзин тоже не одобрял стиль и содержание ростопчинских афишек и предлагал графу писать за него воззвания к народу. Очевидно, Карамзин не был против самой идеи прокламаций и, возможно, какие-то черновые наброски он составлял, однако Ростопчин все же предпочитал печатать и распространять по Москве собственные творения. Примитивизм и нарочитое подлаживание языка афишек Ростопчина к московскому уличному говору (вплоть до включения нелитературных выражений в адрес французов и Наполеона) сегодня вызывают у читателя в лучшем случае улыбку.ⁱⁱ Но при всем этом следует иметь в виду, что афишки Ростопчина были тем не менее первыми печатными изданиями, которые за два месяца до развертывания официальной антифранцузской пропаганды пытались возбудить патриотический подъем у москвичей и жителей близлежащих к Москве городов. Будущий декабрист, офицер действующей армии Ф.Н. Глинка записал в своем походном дневнике 31 июля 1812 г., по дороге от Витебска к Смоленску, на бивуаке 1-й армии Барклая де Толли: «Кажется, еще боятся развязать руки. До сих пор нет ни одной прокламации, позволяющей собираться, вооружаться и действовать где, как и кому можно».

Демократические патриоты впоследствии осудили Ростопчина не за его прокламации, а за личную трусость: призвав москвичей в своей последней афишке 11 сентября 1812 г. накануне вступления «великой армии» в Москву вооружаться «кто чем может», взять «на три дня хлеба» и прийти «с крестом», «хоругвями из церквей» на «Три горы» (ныне Красная Пресня. — *В.К.*) и пообещав, «я буду с вами и вместе истребим злодея», Ростопчин к собравшейся на Пресне толпе патриотов не явился.

Карамзин выехал из Москвы в начале сентября 1812г. при эвакуации генерал-губернаторского дома, перед самым вступлением в город неприятеля. И именно в эти сентябрьские дни историк, как и многие другие русские люди, со скорбью обозревал польхающее над столицей зарево. Трясаясь в кибитке, уносившей его по старой Ярославской дороге, шептал он сами собой возникавшие в сознании гражданина и поэта слова, сложившиеся ранее в строки «Военной песни»: «Сыны русской земли... Боритесь против врагов Отечества...»

По-видимому, Николай Михайлович написал «Военную песнь» в июне-июле 1812 г., когда Великая армия вторглась через Неман в пределы нашего Отечества.

Здесь нельзя обойти имя и другого замечательного человека, близкого Пушкину и Карамзину, поэта и очевидца Бородинского сражения Василия Андреевича Жуковского, написавшего в это время своего знаменитого «Певца во стане русских воинов». В стихах Жуковского и «Военной песни» Карамзина общая тема - патриотический призыв к сплочению русских людей перед грозным противником. Известно, что Жуковский тогда же написал варианты «Певца», которые разошлись в списках по России. Конечно, Карамзин читал произведение Жуковского, но свою «Военную песнь» написал, вероятно, раньше — в момент вторжения армии Наполеона в пределы России и дошедшую до нас лишь на немецком языке. Возможно, автор предназначал «Песнь» и для подневольных наполеоновских сателлитов из немецких княжеств, согнанных в Великую армию. Исходник «Песни» был, вероятно, написан на русском языке. Автограф наш является одним из черновиков «Песни» Карамзина, который

он так, кажется, никогда и не опубликовал. Для нас в «Военной песни» ощутим искренний порыв благородных чувств историка, который слыл за рассудочного человека, не отличавшегося сильным темпераментом. Впрочем, мнение о рассудочности и «методической натуре» Карамзина вероятнее всего ошибочно, в глубине его души жил гражданин, всем существом своим переживавший за судьбу Отечества, за все потрясения любимой России. Недаром смертельно заболел он в день декабрьского выступления 1825 г. и умер через несколько месяцев, не сумев пережить казнь декабристов. Не могла его честная натура выйти из духовного оцепенения, в которое повергли ее декабрьские события 1825г., когда на его глазах рушилась создаваемая им в течение всей жизни умозрительная концепция об особом, отличном от Запада, пути развития России — без потрясений, без революций и даже «без реформ». Рядом с Карамзиным в Александро-Невской лавре немногим более четверти века спустя упокоился большой друг его и Пушкина — Василий Андреевич Жуковский.

Спустя семь лет после смерти Карамзина П.А. Вяземский, хорошо знавший его и к мнению которого стоит прислушаться, в письме к А.И. Тургеневу писал: «Воспоминания о Карамзине для коротко знавшего его сливаются с современными воспоминаниями о всех важных событиях русских и всемирных, потому что не было ничего чуждого Карамзину, все имело отголосок в сердце его и отблеск в уме. Карамзин был Россия: она около его сосредоточивалась, по крайней мере, отражением своим».

Поэтические и музыкальные призывы, или, как их часто называли, «военные песни», конечно, были разных художественных достоинств, но они трогали современников взволнованностью и эмоциональностью, как, например, стихи «Сыны Отечества избранны! Се вашей славы час пришел...» Федора Иванова, появившиеся уже в июльском номере «Вестника Европы» за 1812 г. А крылатые слова из «Военной песни» Федора Глинки «Теперь ли нам дремать в покое, России верные сыны?!» были написаны в том же месяце во время приближения Наполеона к Смоленску. А еще за месяц до того его же «Солдатская песнь», сочиненная и петая во время соединения войск у города Смоленска в начале августа 1812 г. на мотив народной песни «Веселяся в чистом поле...», несла патриотический заряд большой силы:

Вспомним, братцы, россов славу
И пойдем врагов разить!
Защитим свою державу:
Лучше смерть, чем в рабстве жить!

Эта песня сопровождала русских воинов всю войну, а в 1814 ее довелось услышать и парижанам.

Песня, военная музыка помогали в сражениях с врагом. У Шевардина барабанщики, выбивая боевую дробь, до последнего момента поддерживали стойкость защитников редута, а будучи окруженными неприятелем, «не теряя присутствия духа, соглася всех наших с ними бывших солдат, ударили храбро в штыки...». В жестоких кавалерийских атаках музыканты-трубачи были всегда в первых рядах, рядом с боевыми знаменами. Пергаментная желтизна донесений той поры сохранила нам имена героев-музыкантов из Лейб-гвардии конного полка: штаб-трубача Козлова и трубача Емельянова, лейб-кирасирских трубачей Соколова, Вологодина, Федорова, Григорьева, которые «при атаке... превосходное число неприятеля, удачно... отразя, обратили в тыл...» Многие военные музыканты получили боевые ордена, а 55 полков удостоились к концу кампании коллективных наград: серебряных и георгиевских труб. Военная музыка стала неизменным атрибутом армии, возвратившейся в 1814 г. из заграничных походов. Почти у каждого из гвардейских полков имелся собственный военный марш. Старейшим в русской армии по праву считается марш Преображенского полка. Его даже называют «Петровским маршем», полагая, что он был сочинен еще во времена Петра Великого. Под звуки этого марша русская гвардия вступала в Париж.

Так, в горниле событий тех дней рождались первые историко-художественные памятники, сохранившие для нас «отпечаток того, что и как виделось, мыслилось и чувствовалось в тот приснопамятный двенадцатый год, когда вся Россия, вздрогнув, встала на ноги...», — сказал И.А. Крылов однажды Федору Глинке в 1817 г. по поводу сбережения военных стихов той героической поры: «Оставьте нетронутым все, что написалось у вас, где случилось, как пришлось. Оставьте в покое ваши походные строки, вылившиеся у бивуачных огней и засыпанные, может быть, пеплом тех, незабвенных бивуаков...»

ВОЕННАЯ ПЕСНЬ

И Родина наша, и слава зовут:
Вставайте сыны земли русской!
Несметною тучей враги к нам идут!
Час пробил, служения час!
Борей навевает суровые чувства, -
Отчизна нуждается в нас!

Тирана мы свергнем, и мир весь спасем, —
Европы сегодня печальна юдоль.
Бороться мы будем и ночью и днем,
В руках наше знамя и сталь!
И с нами извечная русская боль,
Открыта пред нами победная даль!
И галл нам не страшен! Воинственный галл!

И мы готовы на бой кровавый,
И Марс озаряет нам путь!
Герой — кто сильный, герой — кто бравый, —
Огонь в сердцах, в наградах грудь!

За ратью рать! На поле брани! Вперед!
Пощады нет для супостата!
Любовь к России в бой зовет!
Сын за отца и брат за брата!

Не сможет Юг законы Северу писать!
Свободны мы, когда едины!
Земля для гордых россов - словно детям мать, —
Не покорить ее войной!
И мы никем непобедимы!
Здесь каждый воин и герой!
И галл нам не страшен! Ликующий галл!

Нас провидение хранит,
На правый бой идем мы смело!
И песнь, и песнь во славу русскую звенит!
И каждый росс в бою — солдат!
Ведь с нами Бог и Божье дело,
А ворога поглотит ад!

*(Свободный перевод с немецкого
Александра МАТВЕЕВА)*

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Утраченные по краям автографа слова реконструированы нами в переводе и выделены прямыми скобками.

ⁱⁱ Наиболее полную коллекцию афишек Ф.В. Ростопчина см.: *Картавое П.А.* Летучие листовки 1812 г.: Ростопчин, афиши. СПб., 1904.